

Среди тех, кто был призван вывести церковь из мрака папства к свету более совершенной и чистой веры, самое выдающееся место занимает Мартин Лютер. Ревностный, пламенный и преданный, не знающий другого страха, кроме Божьего, не признающий иного основания для веры, кроме Священного Писания, Лютер явился тем человеком, через кого Бог совершил великую работу по преобразованию церкви и просвещению мира.

Подобно первым вестникам Евангелия, Лютер вышел из бедноты. Свое раннее детство он провел в скромном домике немецкого горняка. Отец-рудокop тяжелым трудом добывал средства к жизни. Он хотел, чтобы сын получил образование и стал юристом, но Бог решил сделать из него строителя великого храма, который созидался на протяжении целых столетий. Трудности, лишения и суровая дисциплина были той школой, в которой Безграничная Мудрость приготавливала Лютера для главного дела его жизни.

Отец Лютера был человеком решительным и упрямым, он обладал очень твердым характером, отличался смелостью и честностью. Он сохранял верность своему долгу, невзирая ни на какие обстоятельства. Здравый смысл побуждал его с недоверием смотреть на монахов. Он был крайне недоволен поступком Лютера, который без его согласия; поступил в монастырь, и прошло два года, прежде чем он примирился со своим сыном, но и тогда его взгляды оставались прежними.

Родители Лютера обращали особое внимание на воспитание и образование своих детей. Они старались наставлять их в познании Бога и развивать у них христианские добродетели. Часто в присутствия сына отец молился о том, чтобы Мартин всегда помнил о Боге и служил распространению Его истины. Все свои силы родителя отдавали детям, неуклонно и постоянно стремясь воспитать их для благочестивой и деятельной жизни. В своей решительности и твердости они порой слишком усердствовали, но сам реформатор находил, что, хотя родители иногда и ошибались, однако их воспитание заслуживало скорее одобрения, нежели порицания.

В школе, куда Лютер поступил очень рано, с ним обращались строго и даже сурово. Бедность его родителей была такова, что, отправившись учиться в другой город, он некоторое время вынужден был зарабатывать себе на пропитание пением, ходя от одной двери к другой, и часто голодал. Господствующие в то время мрачные суеверия, облеченные в форму религии, наполняли мальчика ужасом. Он ложился спать с

тяжелым сердцем, с трепетом взирая в суровое будущее и испытывая постоянный страх при мысли о Боге, Которого представлял себе как строгого, неумолимого судью и жестокого тирана, а не как любящего Отца.

Все же, несмотря на многочисленные и такие сильные разочарования, Лютер неудержимо тянулся вперед, к высшему образцу морального и умственного совершенства, которого так жаждала его душа. Он жадно впитывал знания, его серьезный, деятельный ум стремился ко всему значительному и весомому.

Когда в 18-летнем возрасте он поступил в Эрфуртский университет, его материальное положение было намного лучше, чем в прежние годы. Трудолюбивые и бережливые родители Лютера к тому времени скопили деньги и теперь могли помочь своему сыну во всем необходимом. Общение с добрыми друзьями в какой-то степени рассеяло мрачные тени его детства. Он старательно изучал произведения лучших писателей, обогащая ум их яркими мыслями и делая мудрость мудрых своей собственностью. Даже в условиях самой суровой дисциплины, насаждаемой прежними учителями, он подавал большие надежды, а теперь, в более благоприятной обстановке, развитие его личности шло еще быстрее. Блестящая память, живое воображение, сильный интеллект и неусыпное прилежание вскоре помогли ему занять первое место среди своих товарищей. Благодаря духовной дисциплине его ум созрел и приобретал живость и пронизательность, пригодившиеся потом в жизненной борьбе.

Лютер испытывал страх перед Богом, и это помогало ему не уклоняться в сторону от намеченных целей, помогало смиряться перед лицом Господа. Он сознавал свою постоянную зависимость от Божественной помощи и каждый день начинал с молитвы, сердце его было всегда обращено к Богу, Которого он умолял о поддержке и руководстве. "Хорошо помолиться, — говорил он часто, — лучше, чем наполовину выучить задание".

Однажды, просматривая книги в университетской библиотеке, Лютер обнаружил латинскую Библию. До этого он никогда не видел такую книгу и даже не подозревал о ее существовании. Во время общественных богослужений он слышал отдельные отрывки из Евангелия и Посланий и предполагал, что они-то и составляют Библию. А теперь впервые он увидел полную Библию. Со смешанным чувством благоговения и изумления он перелистывал священные страницы; с бьющимся сердцем, трепеща, читал слова жизни, временами останавливаясь и восклицая: "О, если бы Бог послал мне такую книгу!" Ангелы небесные окружали его, и лучи света, исходящие от престола Божьего, открыли ему сокровища истины. Он всегда боялся оскорбить Бога, а теперь, как

никогда раньше, глубоко осознал свое греховное состояние.

Твердое желание получить прощение грехов и обрести мир с Богом побудило его поступить в монастырь. Там его заставляли выполнять самую черную работу и посылали просить милостыню. Он был в том возрасте, когда люди особенно чутко реагируют на мнения окружающих, и, выполняя порученное ему, он не мог не страдать, но терпеливо переносил унижения, считая это карой за свои грехи.

Каждую свободную минуту, которую удавалось выкроить, он посвящал занятиям, жертвуя даже временем, предназначенным для сна и скромной трапезы. Наибольшее удовлетворение приносило изучение Слова Божьего. Он обнаружил Библию, прикованную цепью к монастырской стене, и часто останавливался у этого места. Чем сильнее возрастало сознание собственной греховности, тем старательнее стремился он своими делами получить прощение и покой. Он вел очень строгий образ жизни, стремясь постом, бдением и бичеванием искоренить свои дурные наклонности, чего не мог достичь монашеским послушанием. Он не останавливался ни перед какой жертвой, чтобы очистить свое сердце и снискать одобрение Господа. "Я и в самом деле был благочестивым монахом, — говорил он впоследствии, — и исполнял предписания ордена точнее, чем даже могу это выразить словами. И если бы кто-либо из монахов своими подвигами мог бы заслужить Царство Небесное, то и я, без сомнения, имел бы на это право. Если бы такое положение продлилось еще немного времени, то я довел бы себя до могилы". В результате суровых добровольных лишений он потерял много сил, начались судороги и обмороки, от которых он никогда уже не мог вполне избавиться. Но, несмотря на все усилия, его страждущая душа не находила покоя. Наконец он дошел до полного отчаяния.

Когда Лютеру начало казаться, что уже все потеряно, Бог послал ему друга и помощника. Благочестивый Штаупиц помог Лютеру понять Слово Божье; он отвлек его внимание от самого себя, помог освободиться от гнетущего сознания вины за нарушение закона Божьего и направил его взор на Иисуса — на прощающего грехи Спасителя... "Вместо того чтобы терзаться своими грехами, приди в объятия Искупителя. Уповай на Него, полагайся на праведность Его жизни, верь в искупительную силу Его смерти... Повинуйся Сыну Божьему. Он стал Человеком, чтобы дать тебе уверенность в благоволении Господа. Люби Его, ибо Он первый возлюбил тебя". Так говорил этот вестник благодати. Его слова произвели неотразимое впечатление на Лютера. После продолжительной борьбы с укоренившимися пороками он наконец смог познать истину, и в его мятущейся душе воцарился мир.

После принятия Лютером священнического сана он был приглашен на преподавательскую работу в Витгенбергский университет. Там он занялся изучением Библии на языках оригинала. И одновременно начал читать лекции по Библии, и его восхищенные слушатели смогли открыть для себя книги Псалмов, евангелистов и Послания. Штаупиц, его друг и учитель, побудил его с кафедры проповедовать Слово Божье. Лютер колебался, чувствуя себя недостойным обращаться к народу во имя Христа. Только после долгой внутренней борьбы он наконец уступил просьбам друзей. К тому времени он уже хорошо знал Библию, и благодать Божья покоилась на нем. Его красноречие покоряло слушателей: сила и ясность излагаемой им истины воздействовали на ум, а его воодушевление трогало их сердца.

Лютер по-прежнему оставался верным сыном папской церкви и даже мысли не допускал ни о чем ином. Божье провидение направило его в Рим. Путешествуя пешком, он по пути останавливался в монастырях. Одна итальянская обитель поразила его роскошью, богатством и пышностью. Получая средства из государственной казны, монахи жили в великолепных покоях, носили богатые одежды и изысканно питались. С глубокой скорбью Лютер сравнивал эту картину с самоотречением и лишениями своей жизни, и замешательство овладевало всеми его чувствами.

Наконец вдали он увидел город семи холмов. Тронутый до глубины души, Лютер бросился на землю, восклицая: "Приветствую тебя, священный Рим!" Он ходил по городу, посещал храмы, прислушивался к священникам и монахам, без устали рассказывавшим о различных чудесах, принимал участие во всех религиозных церемониях. Повсюду он видел картины, поражавшие его своим безобразием. Он видел, что беззаконие царит среди духовенства всех рангов. Он слышал непристойные шутки прелатов и приходил в ужас от их отвратительного богохульства, проявлявшегося даже во время богослужения. И среди монахов, и среди жителей города он замечал расточительность и распутство. Повсюду вместо праведности он встречал скверну. "Никто не может поверить, — писал он, — какие грехи и позорные дела совершаются в Риме; для того чтобы поверить, нужно видеть все это. Так что даже поговорки появились: "Если существует ад, то Рим построен на нем. Это пропасть, из которой исходят все грехи!"

В своем постановлении папа обещал отпущение грехов всем тем, кто на коленях поднимется по так называемой Пилатовой лестнице, о которой говорится, что по ней спускался наш Спаситель, выйдя из римского верховного судилища, и она, мол, каким-то чудом была перенесена из Иерусалима в Рим. Однажды, когда Лютер благоговейно на коленях поднимался по ней, вдруг громоподобный голос произнес: "Праведный верой жив будет!" Он вскочил на ноги и с ужасом и стыдом поспешно удалился. И с тех пор эти слова библейского текста всегда звучали в его душе. Внезапно он увидел всю

обманчивость человеческой надежды спастись при помощи собственных дел и понял необходимость постоянной веры в заслуги Христа. Его глазам открылись обольщения папства. Отвратив свое лицо от Рима, он отвратил и сердце, и с того времени началось его удаление от папской церкви, пока наконец он окончательно не порвал всякую связь с ней.

После возвращения из Рима Лютер получил в Виттенбергском университете степень доктора богословия. Теперь он свободнее располагал своим временем и мог посвятить себя изучению Священного Писания, перед которым благоговел. Он дал торжественный обет все дни своей жизни усердно постигать Слово Божье и с верностью проповедовать его, а не папские догмы и изречения. Теперь это был уже не простой монах или профессор богословия, но влиятельный вестник Библии, призванный пасти стадо Божье, которое жаждало и алкало истины. Он решительно заявил, что единственным источником вероучения христиан должно быть Священное Писание. Эти слова наносили сокрушительный удар по самому основанию папской власти, в них заключался жизненно важный принцип Реформации.

Лютер видел, чем грозит превозношение человеческих теорий над Словом Божьим. Он отважно нападал на бесплодные выкладки схоластов, критикуя философию и богословие, которые так долго господствовали над умами людей. Отвергая их учение, Лютер указывал, что они не только бесполезны, но и вредны. При этом он старался направить своих слушателей от лжемудрствования философов и богословов к вечным истинам, изложенным пророками и апостолами.

Какую драгоценную весть нес он жаждущей толпе, которая с самым напряженным вниманием вслушивалась в его слова. Никогда еще люди не слышали ничего подобного. Благая весть о любви Спасителя, уверенность в прощении и мир, дарованный Его искупительной кровью, — все это вселяло радость в их сердца и рождало бессмертную надежду. В Виттенберге был зажжен свет, который прольется на самые отдаленные уголки земли, становясь все ярче с приближением последних времен.

Но свет и тьма не мирятся друг с другом. Между истиной и заблуждением идет непримиримая борьба. Защищать и поддерживать что-то одно — означает бороться против другого и опровергать его. Наш Спаситель Сам сказал: "Не мир пришел Я принести, но меч" (Мф. 10:34). Лютер же спустя несколько лет после начала своей реформаторской деятельности заметил: "Бог не ведет меня — Он толкает меня вперед. Он увлекает меня. Я больше не распоряжаюсь собой. Я хочу жить в покое, но вместо этого оказываюсь в самой гуще волнений и смятения". Теперь его ожидало настоящее

поле битвы.

Католическая церковь вела торговлю благодатью Божьей. Возле ее алтарей стояли столы менял, и воздух оглашался криками продающих и покупающих. Под предлогом сбора средств для постройки храма Святого Петра в Риме папой была открыта всенародная продажа индульгенций. Ценой преступления предстояло воздвигнуть храм для прославления Божьего имени, ценой беззакония — заложить краеугольный камень! Но то, что должно было послужить величию Рима, нанесло его могуществу и великолепию самый сокрушительный удар. Действия папства привели к появлению его самых решительных и сильных врагов, началась борьба, потрясшая папский трон, свергнувшая тиару с папы.

Чиновник по имени Тецель, руководивший продажей индульгенций в Германии, был ранее уличен в самых низких преступлениях против общества и закона Божьего, но избежал заслуженного наказания, более того, ему поручили осуществлять корыстолюбивые и бессовестные замыслы папства. С неподражаемым бесстыдством он рассказывал самые невероятные басни о чудесах, стремясь прельстить невежественный и суеверный народ. Если бы Слово Божье было доступно людям, то их нельзя было бы обмануть так легко. Библию потому и скрывали от народа, чтобы держать его под контролем римской церкви и умножать власть и богатство ее высокомерных вождей.

Впереди Тецеля, вступавшего в город, шел глашатай, восклицавший: "Благодать Божья и святого отца теперь у ваших ворот". И народ приветствовал нечестивого обманщика как Самого Бога, сошедшего к ним с небес. В церкви шла отвратительная торговля, и Тецель с кафедры превозносил индульгенцию как самый драгоценный дар Божий. Он объяснял, что индульгенции отпускают их обладателю грехи, которые тот совершает как в настоящем, так и в будущем, и что даже "нет необходимости в раскаянии". Более того, он уверял своих слушателей, что индульгенции обладают силой спасти не только живых, но и умерших, и стоит только деньгам зазвенеть в его ящике, как душа вылетает из чистилища и попадает на небо.

Когда Симон-волхв предложил апостолам приобрести у них за деньги силу, чтобы совершать чудеса, Петр ответил ему: "Серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги" (Деян. 8:20). Но предложение Тецеля было подхвачено тысячами. Золото и серебро рекой текли в его кассу. Спасение, которое можно было купить за деньги, приобреталось легче, чем спасение, которое требовало от грешника раскаяния, веры и постоянных усилий в борьбе с

грехом.

Ученые и благочестивые мужи католической церкви восстали против положения об индульгенциях и отвергли его как не соответствующее здравому смыслу. Ни один прелат не дерзнул поднять свой голос против несправедливой торговли, но эти мужи были обеспокоены, и многие серьезно задавались вопросом, не совершит ли Господь каким-либо путем очищение церкви?

Лютер, который все еще оставался ревностным приверженцем папства, пришел в ужас при этой богохульной дерзости торговцев индульгенциями. Многие из его прихожан, купив себе отпущение грехов, приходили к нему как к своему пастору и, признаваясь в различных прегрешениях, ожидали получить прощение не потому, что они раскаивались и желали начать новую жизнь, но потому, что приобрели индульгенции. Лютер отказывался исповедовать их, говоря, что если они не раскаются и не переменят образа жизни, то погибнут. Встревоженные, они возвращались к Тецелю и жаловались ему, что их пастор отказывается принимать исповедь, а некоторые, более смелые, требовали, чтобы им возвратили деньги. Это страшно разгневало монаха. Извергая самые страшные проклятия, он велел зажечь костры в общественных местах, заявляя, что "получил от папы приказ сжигать всех еретиков, которые осмеливаются восставать против его святейших индульгенций".

Тогда Лютер стал смело бороться за правду. Он серьезно и торжественно предостерегал народ с кафедры. Вскрывая всю мерзость греха, он учил, что собственными делами человек не может уменьшить свою вину или же избежать наказания. Только раскаяние перед Богом, только вера во Христа может дать грешнику спасение. Благодать Христа нельзя приобрести за деньги — это безвозмездный дар. Лютер советовал не покупать индульгенций, но с верой взирать на распятого Искупителя. Делился собственным горьким опытом, когда путем самоунижения и истязаний он надеялся получить спасение, заверяя своих слушателей, что только тогда обрел мир и радость, когда перестал полагаться на себя и с верой обратился ко Христу.

Тецель по-прежнему продолжал вести свою торговлю и выдвигать нечестивые претензии, и Лютер решил принять более твердые меры против этого вопиющего злоупотребления. И вскоре ему представилась возможность для этого. В Витгенбергской церкви было много мощей, которые по большим праздникам выставлялись перед народом, и всем, кто приходил в церковь и исповедовался, отпускались грехи. В такие дни собиралось особенно много народу. Приближался один из самых больших праздников — день "всех святых". В канун этого праздника Лютер,

смешавшись с толпой, направляющейся в церковь, прикрепил к ее дверям лист с 95-ю тезисами против индульгенций. При этом он заявил, что готов защищать свои тезисы в университете в присутствии своих противников.

Его предложение привлекло всеобщее внимание. Все читали и перечитывали его тезисы. В городе и в университете поднялось большое волнение. В тезисах Лютера говорилось о том, что ни папе, ни какому другому человеку никогда не была дана власть прощать грехи и отменять наказание за них. Что все это не что иное, как обман и ловкий способ добывания денег, основанный на суевериях народа; что это коварный план сатаны губить души тех, кто доверяются ему. И дальше самым ясным образом объяснялось, что самым драгоценным сокровищем церкви является Евангелие Христа и что содержащаяся в нем благодать Божья даром дается каждому, кто ищет ее путем раскаяния и веры.

Тезисы Лютера бросали вызов врагам истины, но никто не осмелился принять его. Буквально через несколько дней вся Германия уже знала о поднятых Лютером вопросах, а вскоре о них заговорил весь христианский мир. Многие из благочестивых католиков, которые со скорбью смотрели на страшное беззаконие, господствующее в церкви, но не знали, как воспрепятствовать ему, с великой радостью читали тезисы Лютера, слыша в них голос Божий. Они видели в этом милосердную руку Бога, желающего положить конец потоку беззаконий, исходящему от римского престола. Князья и магистраты втайне ликовали, что будет ограничена высокомерная папская власть, отказывавшая людям в праве оспаривать ее решения.

Суеверная толпа, падкая на грех, была напугана тем, что у нее отнимут этот сладкий обман, которым усыплялись все страхи и опасения. Ловкое духовенство, поощрявшее преступность, почувствовало угрозу своим доходам и страшно возмущалось. Реформатора ожидала встреча с самыми яростными врагами. Некоторые осуждали его за излишнюю поспешность и горячность. Другие обвиняли в самонадеянности, считая, что действует он не по воле Божьей, а руководствуется гордостью и напускной смелостью. "Кто не знает, — отвечал Лютер, — что человек, выдвигающий какую-нибудь новую идею, зачастую имеет вид гордеца, что он неизбежно вызывает много споров... Почему Христос и все остальные мученики были преданы смерти? Потому что на них смотрели как на больших гордецов, с презрением относящихся к мудрости того времени, ведь они смело выдвигали новые идеи, не посоветовавшись при этом смиренно с носителями устаревших традиций и понятий".

И еще он говорил: "То, что я делаю, будет совершенно не человеческим благоразумием,

но по изволению Божьему. Если эта работа от Бога, кто сможет остановить ее? Если же это не от Бога, кто сможет продвигать ее вперед? Здесь не моя воля, ни их и не наша, но Твоя да будет воля, о святой Отец, Сущий на небесах".

Хотя Лютер в этой работе был руководим Духом Божиим, ему предстояла самая суровая борьба. Подобно могучему потоку, обрушились на него упреки врагов, и, конечно, неправильное истолкование его намерений, несправедливые оценки его личности и поступков — все это, вместе взятое, не прошло бесследно. Он был уверен в том, что руководители народа как в церкви, так и в учебных заведениях с готовностью объединятся с ним вместе в деле Реформации. Сердце Лютера наполнялось радостью и надеждой, когда он слышал слова ободрения от высокопоставленных лиц и видел, что они понимают его. Он верил, что для церкви взойдет заря светлого утра. Но вскоре и эти поощрения превратились в упреки и порицания. Многие государственные и церковные сановники были убеждены в истинности тезисов Лютера, но очень скоро им стало ясно, что за принятием учения Лютера неизбежно последуют большие перемены. Просвещение и реформа в народе фактически означали подрыв всевластия Рима; было ясно, что скоро иссякнут щедрые поступления в его казну, питавшие роскошь папского двора. Более того, учить народ самостоятельно думать и действовать, учить видеть в Христе единственную надежду на спасение — означало расшатывать папский трон, что в конце концов сокрушило бы и авторитет этих сановников. Они отказывались принять путь познания, предложенный им Богом. Выступая против человека, посланного просвещать их, они тем самым выступили против Христа и истины.

Иногда Лютер задумывался о своей доле: он один сопротивлялся сильным мира сего. Порой его одолевали сомнения, действительно ли Бог ведет его к тому, чтобы бороться против власти церкви. "Кто я такой, — писал он, — чтобы сопротивляться папскому величию, перед которым трепещут земные цари и весь мир?" Никто не знает, сколько я выстрадал в первые два года, и в какое отчаяние и скорбь я был повергнут. Но он не был оставлен. Когда исчезала всякая человеческая поддержка, тогда он взирал только на Бога и научился совершенно полагаться на Его всемогущую руку.

Лютер писал, обращаясь к своему единомышленнику: "Мы не добьемся понимания Священного Писания ни усиленными занятиями, ни напряжением своего интеллекта. Твоя первая обязанность — начинать с молитвы, умоляя Бога, чтобы Он в Своей великой милости открыл тебе истинный смысл Своего Слова. Ибо единственным толкователем Слова Божьего является Сам Автор этого Слова, и Он Сам так сказал: "И будут все научены Богом". Не надейся достигнуть чего-либо собственными усилиями; полагайся только на Господа и на влияние Его Духа. Поверь мне, как человеку, пережившему все это на личном опыте". Все, кто призван Богом нести другим величественные истины, могут извлечь из этих слов очень полезный урок.

Проповедуемые ими истины приведут в ярость сатану и тех людей, которые любят, чтобы их тешили баснями. Для борьбы с силами зла недостаточно человеческой мудрости и разума.

Если враги Лютера ссылались на обычаи и традиции или же на постановления и авторитет папы, то реформатор обращался к Библии и только к Библии. Разгневанные рабы формализма и суеверия они не могли опровергнуть доказательства, почерпнутые из Священного Писания, и жаждали только его крови, подобно тому, как иудеи жаждали крови Христа. "Он еретик! — кричали римские ревнители, — разрешить этому страшному еретику жить хотя бы один час — значит совершать самый непростительный грех против церкви. На эшафот его немедленно!!!" Но жертвой их ярости Лютеру не суждено было стать. Он должен был выполнить работу, предназначенную ему Богом, и небесные ангелы защищали его. Тем не менее многие из тех, кто принял от Лютера драгоценный свет, стали предметом особенной ненависти сатаны и, в конечном итоге, ради истины бесстрашно пошли на страдания и смерть.

Учение Лютера привлекло к себе всю мыслящую Германию. Его проповеди и сочинения несли свет, который будил сознание тысяч людей. Живая вера занимала место мертвого формализма, в плену которого церковь находилась столь длительное время. Народ с каждым днем все больше утрачивал веру в суеверия католицизма. Оковы предрассудков постепенно разрушались. Слово Божье, которым, подобно обоюдоострому мечу, Лютер испытывал всякое учение и заявление, прокладывало путь к сердцу народа. Повсюду было заметно стремление к духовному просвещению и прогрессу. Все ощущали острую жажду истины. Ничего подобного не происходило на протяжении целых столетий. Народ, так долго надеявшийся на традиции и обряды, на земных заступников, обращался с мольбой раскаяния и веры к распятому Христу.

Это воодушевление продолжало вызывать все большие опасения папских сановников. Лютеру было предписано явиться в Рим для соответствующих объяснений. Друзья Лютера с ужасом встретили это повеление. Они сознавали, какая опасность угрожала их другу в этом нечестивом городе, обгавленном кровью мучеников во имя Иисуса Христа. Протестуя против его поездки в Рим, они потребовали, чтобы Лютер дал все объяснения, оставаясь в Германии.

Их требование было наконец удовлетворено, и для слушания по делу Лютера приехал представитель папы с предписаниями, заранее объявившими Лютера еретиком. Папскому легату предстояло "осудить его и заключить в тюрьму". В случае же непокорности и невозможности арестовать реформатора легат был уполномочен

"объявить его вне закона по всей Германии, а также и его приверженцев подвергнуть изгнанию, проклятию и отлучению от церкви". Кроме того, папа поручил своему легату ради абсолютного искоренения ядовитой ереси отлучить от церкви и подвергнуть гневу Рима всех тех, за исключением лишь императора, кто не пресек деятельность Лютера и его поборников, невзирая при этом на занимаемое положение в государстве и церкви.

Все это как нельзя лучше показывало подлинный дух папства. В этом документе нет и намек на принципы христианского поведения или даже самую простую справедливость. Лютер жил и трудился очень далеко от Рима, он не имел возможности объяснить свои взгляды, однако еще до того, как началось разбирательство, его уже объявили еретиком и в один и тот же день провели расследование, обвинили, осудили и приговорили. И все это было сделано "святым отцом", который являлся высочайшим, непогрешимым авторитетом в церкви и государстве!!!

В это время, когда Лютер так сильно нуждался в сочувствии и совете истинного друга, по Божьему провидению, в Виттенберг был послан Меланхтон. Молодой, скромный, застенчивый, Меланхтон своими здравыми суждениями, обширными познаниями, красноречием, чистотой и искренностью завоевал всеобщее внимание и уважение. Его блестящие способности не заслоняли таких качеств его натуры, как чуткость и деликатность. Вскоре он стал убежденным последователем Евангелия и самым преданным другом Лютера и неоценимым помощником — его деликатность, внимательность и пунктуальность удачно дополняли мужественную и энергичную натуру Лютера. Их сотрудничество стало огромной опорой для Лютера, придав новую силу делу Реформации.

Местом суда был назначен Аугсбург, и Лютер пешком отправился туда. Над ним нависла серьезная опасность. Его грозили убить по дороге, и друзья умоляли его не рисковать, уговаривали даже на время покинуть Виттенберг и поселиться у кого-нибудь из приятелей. Но он не желал оставлять дела, определенного ему Богом. Он понимал, что должен быть верным защитником истины, невзирая ни на какие бури, бушующие вокруг. Он так и говорил: "Я подобен Иеремии — "человеку, который спорит и ссорится" (Иер. 15:10). И чем больше мне угрожают, тем больше я радуюсь... Они уже уничтожили мою честь и доброе имя. Осталось только одно: мое жалкое тело. Ну что ж, пусть они возьмут и это: они сократят мою жизнь на несколько часов. Но что касается моей души, они не смогут взять ее. Тот, кто стремится возвещать миру Слово Христа, должен быть готов умереть в любой момент".

Весть о прибытии Лютера в Аугсбург доставила папскому легату большое

удовлетворение. Беспокойный еретик, обративший на себя внимание всего мира, казалось, теперь очутился во власти Рима, и легат решил сделать все, чтобы не выпустить его из своих рук. Реформатору не удалось получить охранную грамоту для себя. Друзья уговаривали его не являться к легату без такой грамоты и сами взялись достать ее у императора. Легат надеялся принудить Лютера к отречению, в противном же случае собирался доставить его в Рим, где он разделит бы участь Гуса и Иеронима. Подкупленные прелатом люди пытались убедить Лютера явиться к нему без охранной грамоты, полагаясь на его милость. Но реформатор решительно отказался прийти к папскому послу без документов, гарантировавших ему покровительство императора.

Тогда враги Лютера решили попытаться воздействовать на него добротой и любезным обхождением. При встречах с Лютером легат весьма дружески беседовал с ним, но требовал полностью подчиниться авторитету церкви и без каких-либо рассуждений и доказательств отречься от каждого пункта своего учения. Он, конечно, не сумел по достоинству оценить человека, с которым имел дело. Отвечая ему, Лютер выразил свое уважение к церкви, свое стремление к истине и готовность ответить на все вопросы, касающиеся его учения, и представить их на рассмотрение ведущих университетов. И одновременно он отказался подчиниться прелату, требовавшему от него безоговорочного отречения.

Ему без устали твердили одно: "Отрекись, отрись!" Реформатор же, указав, что он основывается на Священном Писании, твердо заявил, что не может отречься от истины. Прелат, бессильный опровергнуть доказательства Лютера, то осыпал его ругательствами и упреками, то подкупал лестью, то гневно цитировал изречения отцов церкви и различных преданий, не давая ему возможности произнести ни единого слова. Видя бесполезность подобных разговоров, Лютер в конце концов получил неохотно выданное разрешение дать ответ в письменном виде.

"Поступая так, — говорит Лютер в письме к другу, — обвиняемый извлекает двойную пользу: прежде всего, написанное может быть представлено для обсуждения разным людям, и, во-вторых, появляется больше шансов если не воззвать к совести, то запугать высокомерного и болтливого деспота, который в противном случае одолеет вас своей надменной речью".

При следующей встрече Лютер представил исчерпывающее объяснение, подкрепленное многочисленными выдержками из Священного Писания. Прочитав вслух написанное, Лютер вручил бумагу кардиналу, который с презрением отбросил ее от себя, крича, что это просто набор пустых слов и цитат, не имеющих никакого отношения

к делу. Тогда Лютер с воодушевлением заговорил о том, во что верил этот прелат, — о традициях и доктринах церкви, и полностью опроверг все его утверждения.

Доказательства Лютера были безупречны, и прелат потерял самообладание, вскричав в гневе: "Отрекись! Если не сделаешь этого, я пошлю тебя в Рим, где ты предстанешь перед судьями, хорошо знающими свое дело. Я предам тебя и твоих приверженцев анафеме и всех сочувствующих тебе отлучу от церкви". И добавил напыщенно: "Отрекись или больше не показывайся мне на глаза".

Лютер немедленно удалился вместе с друзьями, таким образом ясно давая понять, что ни о каком отречении не может быть и речи. Не такого исхода дела ожидал кардинал. Он льстил себя надеждой, что силой и запугиванием заставит Лютера подчиниться. И теперь, когда рухнули его планы, он не мог скрыть досады.

Мужественное выступление Лютера не прошло без следа. Присутствовавшие на встрече люди получили возможность сравнить поведение двух мужей и сделать соответствующие выводы о правоте и силе каждого из них. Какой разительный контраст! Скромный, простой и непреклонный реформатор стоял перед всеми, облеченный силой Божьей, и защищал истину; папский же посол, самонадеянный и властный, надменный и безрассудный, не привел ни одного доказательства из Священного Писания и только неистово кричал: "Отрекись! Иначе будешь отправлен в Рим и там получишь заслуженное наказание!"

Несмотря на имевшуюся у Лютера охранную грамоту, существовала опасность, что его арестуют. Друзья Лютера, видя всю бесполезность дальнейшего пребывания реформатора в Аугсбурге, настаивали на его немедленном возвращении в Виттенберг. Необходимо было соблюдать крайнюю осторожность. И ночью верхом на лошади в сопровождении только одного проводника, предоставленного магистратом, Лютер покидает Аугсбург. Терзаемый мрачными предчувствиями, реформатор пробирался по темным и пустынным улицам города. Он знал, что жестокие и коварные враги замыслили уничтожить его. Удастся ли ему избежать расставленных сетей? Это были минуты сильнейшей тревоги и горячих молитв. Вот он уже добрался до городской стены. Ворота отворились, и он беспрепятственно выехал из города вместе с проводником. Почувствовав себя в безопасности, беглецы двигались быстрее, и, прежде чем римский прелат узнал об отъезде Лютера, тот был уже далеко. Сатана и его сообщники потерпели поражение. Человек, которого они считали своей добычей, ускользнул из их рук, как птица из сети птицелова.

Узнав о побеге Лютера, прелат был страшно удивлен и разгневан. Он надеялся, что его решительный отпор этому возмутителю церковного спокойствия будет должным образом вознагражден, но теперь все радужные ожидания позорно провалились. Весь свой гнев он излил в письме к Фридриху, курфюрсту Саксонскому, горько обвиняя Лютера и требуя, чтобы Фридрих отправил реформатора в Рим или же изгнал его из Саксонии.

В свою очередь, Лютер требовал, чтобы прелат или папа на основе Священного Писания доказали ему его заблуждения, торжественно обещая, что, если это будет сделано, он отречется от своих взглядов. При этом он неустанно благодарил Бога за то, что Господь нашел его достойным страдать во имя такого святого дела.

Курфюрст был мало знаком с учением Лютера, но его поразили искренность, сила и ясность слов реформатора, и он твердо решил покровительствовать ему до полного выяснения дела. В ответ на обращение прелата он написал: "Вы должны быть удовлетворены приездом доктора Мартина Лютера в Аугсбург. Мы не ожидали, что вы будете принуждать его к отречению, вместо того чтобы убеждать. Никто из ученых мужей в нашем государстве не сообщил мне, что учение Мартина Лютера безбожное, антихристианское или еретическое". И курфюрст отказался отправить Лютера в Рим или же выслать его из своих владений.

Курфюрст видел плачевное состояние нравственности в обществе. Огромная нужда в реформе была очевидна. Он понимал, что, если бы люди исполняли требования Божьи и поступали в согласии со своей совестью, очищенной истиной, тогда не пришлось бы тратить средства на борьбу с преступностью. Он видел, что труды Лютера направлены именно к этой цели, и втайне радовался тому, что в церкви наступят благотворные перемены.

Он не мог не заметить и того, что Лютер пользовался необыкновенным успехом как профессор университета. Только год прошел с тех пор, как Лютер прибил свои тезисы к дверям храма, а число пилигримов, приезжающих в церковь на праздник всех святых, заметно убавилось. Рим лишился своих прежних приверженцев, сократился поток пожертвований, но Виттенберг не опустел — теперь его заполняли не паломники, пришедшие на поклонение мощам, но студенты университета. Сочинения Лютера пробудили всеобщий интерес к Священному Писанию не только в Германии — из разных стран приезжали молодые люди учиться в Виттенбергский университет.

Приблизившись к Витгенбергу, юноши, впервые увидевшие его, "поднимали руки к небу и благодарили Бога за то, что из этого города распространяются лучи света истины, подобно тому, как в древние времена из Сиона исходил свет в самые отдаленные страны".

Тем не менее Лютер не до конца разочаровался в учении католицизма. Но сравнивая святые истины с папским учением и постановлениями, он приходил в изумление. "Я читаю, — писал он, — папские указы и... не знаю — папа это и есть сам антихрист или он его апостол, настолько Христос обезображен и распят в его деяниях". Все же Лютер в это время по-прежнему был приверженцем римской церкви и не думал, что когда-либо отделится от нее.

Сочинения Лютера и его учение распространились среди всех христианских народов. Его идеи пустили ростки в Швейцарии и Голландии. Его сочинения проложили себе дорогу во Францию и Испанию. В Англии его учение было воспринято как слово жизни. Истина проникла также в Бельгию и Италию. Тысячи людей, потряснутые смертельным оцепенением, пробудились к радостям и надеждам светлой жизни в вере.

Нападки Лютера вызывали все большее негодование Рима, и некоторые яростные католики, даже ученые из католических университетов заявляли, что тот, кто убьет этого мятежного монаха, не совершит греха. Однажды к реформатору подошел незнакомец со спрятанным в кармане пистолетом и спросил его, почему он ходит один? "Моя жизнь в руках Господа, — ответил Лютер, — он — моя Сила и мой Щит, что же тогда может сделать мне человек?" Услышав такие слова, незнакомец побледнел и поспешно удалился, словно увидев небесного ангела.

Рим делал все возможное, чтобы уничтожить Лютера, но его защищал Господь. Учение Лютера проповедовалось повсюду — "в хижинах и монастырях... в дворянских замках, в университетах, в королевских дворцах" и везде находились благородные мужи, которые поддерживали его идеи.

Познакомившись с трудами Гуса, Лютер выяснил, что богемский реформатор признавал великую истину оправдания верой, которую он сам так долго искал и теперь проповедовал. Мы все, — говорил Лютер, — Павел, Августин и я были гуситами, не подозревая об этом. Бог действительно будет судить мир, — продолжал он, — потому что истина проповедана ему еще 100 лет назад, но мир предпочел сжечь ее.

В своем воззвании к императору и князьям Германии, Лютер, призывая к реформации христианства, писал относительно папы: "Страшно и горько видеть, как считающий себя наместником Христа живет в роскоши, с которой не может сравниться даже император. Разве это похоже на Иисуса или же скромного Петра? Говорят, что папа — властелин мира! Но Христос, наместником Которого он себя именует, сказал: "Мое царство не от мира сего". Могут ли владения наместника превосходить собой владения Главы его?"

Об университетах он писал следующее: "Я очень боюсь, что высшие учебные заведения сделаются вратами ада, если в них не будет прилежно изучаться Священное Писание, а юношество не будет руководствоваться им. Я никому не советую определять своего ребенка туда, где Священное Писание не занимает главного места. Любое учебное заведение, в котором не изучается со вниманием Слово Божье, будет развращать нравы молодежи".

Это обращение с молниеносной быстротой распространилось по всей Германии и произвело в народе сильное волнение. Все были возбуждены, протестующий народ начал собираться под знамя Реформации. Противники Лютера, пылая от ярости, заставили папу предпринять решительные меры. Было решено немедленно предать его учение проклятию. Реформатору и его приверженцам дали 60 дней для размышления, оговорив, что, если по истечении этого срока они не отречутся от своих идей, их ждет отлучение от церкви.

Это был грозный и решающий момент для Реформации. На протяжении целых столетий приговор Рима об отлучении от церкви внушал страх самым могущественным монархам; он обрекал великие империи на бедствия и запустение. На тех, кто подвергался этому проклятию, смотрели с ужасом и страхом; они неизменно теряли своих прежних друзей; с ними обращались, как с изгоями, которых нужно уничтожить. Лютер знал об ужасной буре, которая готова была разразиться над ним, но оставался тверд, уповая на помощь и защиту Христа. С верой и мужеством мученика он писал: "Я не знаю, что произойдет, и не хочу знать... Куда ни обрушится удар, я буду спокоен... Если даже листья не осыпаются без воли Отца, то тем более мы можем быть уверены в Его заботе о нас. Не тяжело умереть за Слово, потому что Слово, ставшее плотью, умерло Само. Если мы умрем с Ним, то и оживем с Ним, и если мы испытаем все то, что Он испытал раньше нас, то будем там, где и Он, навеки, навсегда".

Когда папская булла дошла до Лютера, он сказал: "Я презираю и отвергаю ее как

безбожную и несправедливую.... Ибо она осуждает Самого Христа... Я радуюсь тому, что могу немного пострадать за этот один из самых светлых идеалов. Я даже чувствую себя свободнее, ибо теперь убедился, что папа — это антихрист и его престол — это престол самого дьявола".

Декрет Рима не остался без последствий. Тюрьма, пытки и меч были достаточно сильными средствами к тому, чтобы заставить человека повинаться. Слабые и суеверные испытывали страх перед указом папы, и в то время как Лютер пользовался всеобщим сочувствием, многие уже пришли к тому выводу, что жизнь слишком дорога, чтобы отдать ее за дело Реформации. Все, казалось, говорило о том, что работе реформатора наступал конец.

Но Лютера по-прежнему не покидало бесстрашие. Рим предал его анафеме, и все ожидали, что он будет вынужден отречься или погибнет. Но Лютер с невероятной силой обрушил на Рим ответные обвинения и публично заявил о своем окончательном отречении от церкви. В присутствии многих студентов, ученых, жителей города он сжег папскую буллу с ее каноническими законами, постановлениями и специальными правилами, поддерживающими авторитет папской власти. "Мои враги сжигали мои книги, — сказал он, — извращая истину в сознании простых людей и губя их души, а теперь, в ответ на все это, я сжигаю их книги. Теперь начнется по-настоящему серьезная борьба. До сих пор я только слегка тревожил папу. Я начал это дело во имя Бога, и оно будет окончено без меня, но Его могуществом".

На упреки врагов, которые насмехались над ничтожностью его дела, Лютер отвечал: "Кто знает, не Бог ли призвал меня; не боятся ли того, что, презирая меня, они презирают Самого Бога? Моисей был один при выходе из Египта; Илия был один в царстве Ахава; Исаия был один в Иерусалиме; Иезекия был один в Вавилоне.... Бог никогда не призывает пророки первосвященника или какое-нибудь другое важное лицо, но обыкновенно Он избирал незаметных, простых людей; а однажды даже и пастуха Амоса. В каждом поколении находились праведники, которые, рискуя своей жизнью, обличали великих мира сего, царей, князей, священников и ученых.... Я не утверждаю, что я пророк, но говорю, что знати следует иметь страх, потому что я один, а их много. Я уверен в том, что Господь говорит моими устами, а не их".

Однако окончательное отделение от церкви далось Лютеру не без ужасной внутренней борьбы. В то время он писал: "С каждым днем я чувствую, как трудно отбросить от себя то, что было привито нам с детства. Хотя Священное Писание и поддерживает меня, но сколько страданий я перенес, прежде чем убедился в том, что я прав в своем решении

выступить против папы как антихриста! Какие тревоги охватывали меня! Как часто я с горечью задавал себе один и тот же вопрос, который и паписты ставили передо мной: "Разве только ты один такой мудрый, а все остальные ошибаются? А что будет, если окажется, что ты сам заблуждался и соблазнил своим учением множество душ, которые навеки погибнут?" Я боролся сам с собой и с сатаной, пока наконец Христос Своим непогрешимым Словом не укрепил мое сердце против всех этих сомнений".

Папа угрожал Лютеру отлучением от церкви, если он не отречется, и теперь исполнил свою угрозу. Новая булла, объявляющая об окончательном изгнании реформатора из римской церкви, подвергала всем мыслимым проклятиям и Лютера, и тех, кто примет его учение. Теперь только началась великая борьба.

Борьба — это удел всех, кому Бог поручает проповедовать истины, важные для определенного времени. Во дни Лютера проповедовалась истина особой важности для его времени, а в наши дни проповедуется истина, важная для церкви нашего времени. Тот, по Чьей воле все происходит, предлагает людям различные обстоятельства и возлагает на них обязанности, отвечающие времени и условиям, в которых они живут. Будь они в состоянии оценить посланный им свет, тогда они получили бы более глубокое познание истины. Но большинство людей в наши дни стремятся познать истину не более, чем паписты, которые боролись с Лютером. И в наши дни, как и в прежние века, предпочтение отдают учениям и традициям, созданным человеком, а не Слову Божьему. Пусть те, кто проповедует истину в настоящее время, не ждут, что она будет принята с большей готовностью, чем во дни реформаторов. Великая борьба между истиной и заблуждением, между Христом и сатаной будет все усиливаться до конца истории нашего мира.

Иисус сказал Своим ученикам: "Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое Слово соблюдали, будут соблюдать и ваше" (Ин. 15:19-20). Кроме того, наш Господь ясно говорит: "Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо. Ибо так поступали со лжепророками отцы их" (Лк. 6:26). Дух современного мира противоречит духу Христа точно так же, как в прежние времена, и проповедующие истинное Слово Божье встречают сейчас не больше понимания, чем их предшественники. Формы борьбы против истины могут перемениться, враждебность может быть не такой явной и откровенной, но ненависть к истине продолжает существовать, она не исчезнет до конца времен.